

Споём про Эдипа

Театральная труппа "Мэбоу Майнс", Нью-Йорк, США
Культура, — 1998, — 28 мая — 3 июня, — с. 12

Европейцы признали скорее со смирением, чем с радостью, за Новым Светом приоритет во многих вещах; по части культуры — прежде всего во всем том, что требует массовости: кинематограф, эстрада... Исключением стал лишь театр.

Но вот спектакли "Госпел в Колоне" и "Хадж" (режиссер Ли Бруер) послужили своеобразной реабилитацией американского театра, хотя бы в рамках такого в принципе локального события, как фестиваль. Танцующие в проходах и аплодирующие на протяжении всего спектакля зрители явились лучшим тому подтверждением.

Американцы удержались на этот раз на исконно родной, американской почве. Если в чем и преуспел театральный Новый Свет, то в жанрах мюзикла и перформанса. А именно они — мюзикл "Госпел в Колоне" (музыка — Боб Телсон) и перформанс Рут Малечех "Хадж" — стали визитной карточкой гастрольных выступлений "Мэбоу Майнс".

Что касается перформанса, то к констатации безусловного профессионализма постановщика стоит добавить утверждение о таланте исполнительницы. И этим можно ограничиться: ведь в таком весьма успешно ассимилированном Европой жанре, как перформанс, оказаться сегодня первооткрывателем весьма затруднительно. Иное дело "Госпел в Колоне". В силу разных причин он заслужил, на мой субъективный взгляд, пристального внимания и более пространственных комментариев.

Самое парадоксальное в нью-йоркском мюзикле то, что американцы дерзнули присвоить исконно европейскую историю, то есть миф об Эдипе — один из "корневых" мифов для цивилизации Старого Света. Насколько необычна была эта попытка, красноречиво показал весьма широкий диапазон отзывов: от безапелляционного отторжения — "да это никакой не Эдип" до восторженных признаний — "вот это-то и есть "Эдип" (тот, считавшийся навсегда утерянным театр Золотого века с его якобы имевшим место гипнотическим воздействием на зрителя).

К "Госпел в Колоне" с легкостью клеятся театроведческие этикетки типа "ритуализация древнегреческой драмы" или "театрализация церковной службы". Однако и то и другое мало что способны сказать об этом действе, которое разыграли на мхатовских подмостках. Ев-

ропейская архаика (миф о слепом царе Эдипе), христианство (сюжет о пасторе и пасторе) и негритянское "язычество" (госпел и блюз) то существовали параллельно, то словно просачивались, процеживались друг через друга. То, что происходило, оказывалось, по сути, адекватным варварским методом, опробованным не раз искусством примитива. Сплошь — нарушения культурных границ. Логика их очень точно запечатлелась в финале, когда слепой Эдип подобно христианскому святому делал паству зрячей.

В современном театре существуют лишь два способа работы с античной драмой: либо намеренно акцентируется ее древность и обыгрывается ее чуждость, либо режиссер пытается подобрать аналог, через подмену создать иллюзию приближения к античному оригиналу. Очевидно, что негритянская труппа пошла по второму пути, однако сделала это весьма своеобразно — интуитивно повинувшись настроению и законам госпела.

Результат превзошел все ожидания. Не стремясь походить на кого бы то ни было или имитировать канон древнегреческого представления, узаконенный высочайшими античниками, но, играя только свое и себе в удовольствие, "Мэбоу Майнс" добилась эффекта, если не совпадения, то во всяком случае отчетливого сопоставления с архаической драмой. Достаточное число деталей здесь заставило оглянуться назад, возможно, даже вспомнить конкретный древнегреческий театр: прямые обращения в зрительный зал, переходы от разговорной речи к речитативу, а затем — к пению,

сверхвключенность хора в действие (эдакий театр времен Эсхила), рассказ о находящемся рядом персонаже, празднование смерти-воскрешения. Ритуальность и на этот раз оказалась беспримесной, благодаря как внутренне присущей экзотике, так и неминуемому воздействию на подсознание. Взывания к Богу, оплакивание, проклятия, молитвы, прославление. Их вокальное исполнение мало кого оставило равнодушным.

Вместе с этим сопоставлением проявилась еще одна характерная черта. Во времена античности театр (так, во всяком случае, утверждают исследователи) представлял собой зрелище, в котором не было и намека на столь традиционное для нас жесткое разделение актеров и зрителей. Последние были тогда скорее соучастниками действия, чем созерцателями. Спектаклем "Госпел в Колоне" в рамках Чеховского фестиваля удалось это в какой-то мере даже возродить. Изначально американцы поставили не на "забористость" трактовок, а на примитивную цель: чтобы всем вместе: и тем, кто по эту сторону ramпы, и, тем, кто по ту, — было бы хорошо.

Просто провести классно время: "все хорошо", "всем радостно". Просто собраться и спеть про Эдипа и за Эдипа. Просто завести на два часа дискотеку с бубнами и платочками и наплясаться, и нахлопаться. Все абсолютно просто. По-американски античность получилась очень проста, неосизмеримо проста, по-наглому наивная и элементарна. В пику разведенной психологием театральной Европе.

Ольга ФЕДЕНКОВА

Сцена из спектакля

ФОТО ВЛАСОВСКОГО